

мишель деза

75 – 77

мишель деза

75 – 77

м и ш е л ь
д е з а

75 – 77

м о с к в а
п р о б е л - 2 0 0 0
2 0 1 6

УДК 821.161.1-1 Деза
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5
Д26

Здесь собраны мои стихи, написанные в 2014–2016, т.е. в мои 75–77 лет.

Это отредактированный и организованный по темам материал из журналов [3]–[6] и новые стихи. А раньше я писал только в мои 20–23 и немного в 34–36; это было опубликовано в [1]–[2], т.е. в книжках «59 – 62» (Париж, 1980) и на стр. 1–68, «СТИХИ И ИНТЕРВЬЮ» (Москва, 2014).

Мишель Деза, Париж, 2016

Мишель Деза
Д26 75–77. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2016. – 136 с.
ISBN 978-5-98604-555-9

© Деза М., 2016
© «ПРОБЕЛ-2000», 2016

о познании

Осыпается Дерево Знания:
сакурой, всё заливая белым.
Плоды запрещённые, ядовитые –
лучшие страшные сказки Науки.
Всё позволено и всё бесплатно,
уплывая в глубь Сингулярности.

•

Терять предрассудки
на тропах Познания,
может и погубить.
Уйдёт причинность и агенсу
(учуять тигра за шорохом),
растает запах надежды.
И за иллюзией личности,
воли/свободы и времени
уйдёт и иллюзия жить.

•

Знание – это ещё и боль:
ящерка нового видения
юркнет по дюнам мозга,
хрустнет старая, взвизгнет
новая, длинная связь нейронов.
Знание – горечь похмелья,
утяжелит только ношу памяти:
нелегко забывать сознательно.

•

Когда вера чарует тело:
как стигматы Святых Пяти Ран
(Святого Запаха, без инфекции),
смерть как проклятье шаманом,
плацебо, ноцебо, рэйки.
Но так же действуют чары знания:
когнитивный запас тормозит деменцию.
Различаются – вера и знания –
только методом их добычи.
Мозг нуждается в них обоих.

•

Будда учил свободе как
альтернативе знанию.
Он отказался ответить на
14 «бесполезных» вопросов:
вечна ли, конечна ли Вселенная,
едина ли душа с телом и т.п.
Да, знания – это расширить себя,
зависеть от мира, наркотик,
неутолимая жажда/надежда
прыгать из догмы-клетки
в другую, прочнее и больше.

•

С арены нашего видения
по лестнице ДИЗМ (данные,
информация, знание, мудрость) –
понятиями ли, образами ли –
колонируем то, что не познано,
расширяем периметр власти.
А осознав непонятное,
приручаем его градацией,
называнием, нуль-гипотезой, как
предел пустоты или плотности.
Но только религия строит
честно-детское Знание Тайны.
Тайный смысл первой Торы –
что чёрным огнём по белому –
скрыт изменением нескольких букв.
Непонятные заповеди хуким
равносвященны с другими.
Из семи тайных смыслов Корана
1-й – 3-й – учёным, святым, пророкам.
4-й – 7-й – знает только Бог
или откроет себе однажды.

•

Ненасытность моя –
свобода и знания –
как самоцели, опасны,
да и несовместимы.
Мужество как в Ригведе –
знать, уважать Незнание:
«может, даже Всевышний
не знает, как создан Мир».

•

Уже ключевые хищники,
мы добавили к грудам органики
новый ресурс – знание.
Неизлечима зараза знанием,
безвозвратна дорога к истине,
неутолима жажда причинности.

•

Расширив саванну своих интересов,
опять подбираем падаль.
Разделить тушу теории
гипотезой, как копьем,
в терпкую плоть непонятного.

•

Мы были ночными хищниками
или, скорее, падальщиками.
Научились жарить добычу
и не делить, если важно.
Первичная сущность Хищника
усилилась и разветвилась.
Развились щупальца мозга,
внимательный взгляд стервятника.
Одежда – шкуры культуры –
прячет оскал души.
Таков же и я, но «ботаники»
пожирают разве абстракции.
Мы кажемся безобидными
за не-интерес к человечине,
уход к «несъедобной пище».
Но это неверно: жестокость
как точность удара мыслью
в разделке туш неизвестного,
ближе к стержню Охотника
обычного: грабить людей.

•
Ночные средние хищники
смогли добывать падаль
в хитрых ловушках-ямах.
Дальше, по эволюции –
за 20 000 поколений –
дошли до квантовой физики.
Чем не бизонья плоть теорем?
В ловушках теории
умертвить незнакомое,
добывать усталое.
За мишурой одежды,
слов, представлений –
Голая Обезьяна
щерится, беспощадная.

•
Кеплер, Паскаль и Ньютон
были ещё до-учёные –
колдуны, толкователи мира.
Их охота была не за знанием,
а за подлинным смыслом Всего.

•
Неразделённое знание –
слишком тяжёлая ноша.
Познание неотделимо от
желания быть понятным,
то есть приласканным.
Мозг, язык и абстракция
рождены не средой, а стаей.
Не абстрактны мотивы учёных:
опасность? пища ли? самка?
кипит всегда в подсознании.

•
Меняются атомы знания,
но объём его постоянен –
это вместимость мозга.
Ещё обозримо, главное,
даже с краткой историей.
Энциклопедии – армии главного,
от 20 тысяч статей у Плиния
до 4,7 миллионов Википедии –
встают соборами универсальности.
Не полиматы нужны, а филоматы –
любовники знания, по Аристотелю:
теории, практики и поэзии.

- От «душ» Аристотеля рыцари Знания
искали назвать минимальное в
понятиях жизни, сознания, мысли.
Живут ли кристаллы, прионы и вирусы?
Сознание как мерцание: от крупинки
стабильности к зёрнышкам хаоса.
Мысль как дитя нарастания сложности
в витках степеней рекуррентности.

- Наделять явления смыслами
создаёт поколение мемов –
значений, идей, символов
в цепной процесс обобщения.
Как всё живое, мем размножается,
Смысл изменяет живое,
как и оно меняет планету.
Смыслы будущего нас покинут
в процессе роста абстракции.

- Подходящей дозой любое
действие станет наркотиком.
Любой подходящим действием
объект превратим в идола.
Мы лепим себе скафандр выживания,
пережить токсичность реальности.
Обшивка, как стенки термитника,
из засохших отходов сознания.
Наука: начать с наркотика ясности,
поклоняясь идолу объективности опыта,
а затем страдать при скачке парадигм –
хруст скорлупы, расширение личности.
- Опьянённые ясностью, мы прожигаем
чёрные дыры в своём небосводе
зеркальцем самоанализа.
Но похмельем являются страх
и предательство воли и памяти.
- Абстрактность – детство понятия.
Взрослея, любые понятия
становятся просто словами,
табакерками сжатого смысла.
Их можно пощупать душой.

•

Когда пылающим соколом
взлетает новая мысль,
понятия стали упругими,
слова крошатся в руках.
Застыли все ветераны-взгляды,
идёт пересмотр всей армии...
Пока не рассыплется искрами
сгоревший звёздный корабль.

•

Собирать и хранить
блестящие камушки –
предметы, людей и знания –
плотные зёрна значения.
Каждый владеет Лувром
своих концентратов смысла,
пытаясь понять свой аквариум,
обуздать безразличие мира.

•

В пантеоне Наук и Ремёсел
бездонность и упоение есть
и в малых потоках знания:
люблю Алхимию и Геммологию.
О, камни, поймавшие свет!
Звёзды искрят в кабошонах
изумрудов, сапфиров, рубинов.
Бегущие блики шёлка:
кошачий глаз хризоберилла,
глаза быка, тигра и сокола.
Смена цвета александрита,
радужность перламутра,
переливчатость опала,
мерцание авантюрина.

о математике, времени, числах

Хорошо обучить математике – это
вздыбить мозги для небесных прогулок,
почти без оглядки на правдоподобие.
Необозримое Гуляй-Поле,
где решить задачу есть только
повод – перепоставить её опять,
разве круче взнуздав условия.

•

Предрассудки в науке пока неизбежны.
Теоремы обычно лишь обобщают
наблюдения фактов в букетах пальцев.
Типична ль опушка $\{1, \dots, 20\}$ чисел?
В глубинах Леса найдём на полянах
следы неведомых сущностей логики.

•

Теорему, факт, наблюдение
обобщай, пока упрощается.
Непонятное режь на случаи.
Сложность – это эстетика знания,
как и его экономика; заменяет
исходные этику и мотивацию.

- Математика идёт от культуры,
но измеряемость мира –
малые числа и расстояния –
заложены где-то в глубинах мозга,
в первичных перечислениях,
оценках опасности, голода или
вообще достижимости нужного.

- Структуры из математики
можно жить как модели мира:
связью чувств и сил с аксиомами.
Эрдёш жил в Больших Числах, где
всё позволено (теорема Рамсея).
Вольнодумцы – в лёгких структурах,
где много люфта и быстрых удач.
Крутые – в сложных аксиоматиках,
жёстких объётах глубинного холода.
Я же – в пространстве с метрикой.
Верую: в аксиому треугольника,
в суверенность точек-нейронов
и их расстояний-аксонов.

- Чёрным огнём точности
математика пишет по
белому льду явленного,
испаря ненужное и
дождём цепких формул
клея вереницы фактов.
Оцепеня абстрактностью,
взгляд проходит как скальпель:
понимать, называть, менять.
Но возврат души неизбежен
в ледяной вихрь явлений,
наш единственный дом.
- Время квантов и время космоса
могут течь совершенно иначе,
чем Амазонка обычного Времени.
Там позволены и роятся
обнажённые сингулярности,
допланковость, обратимость
и сверхсветовые судороги.

•
Непрерывно, конечно, реально ли Время
(Смолин против Эйнштейна–Таггарта)?
Кучка физиков верит в его неединственность.
Ощутить в дрожи пальцев немыслимость Времени:
от искорки-трути до цикла Брахмы, 30 порядков,
от зепто- до зетта-секунды, через все 42 порядка.
Сомнительно прошлое, будущее же – и подавно.
Это историки, что оскверняют могилы во Времени,
не бояться, что прошлое непостижимо, и создают,
каждый свою, его допустимую версию.

А будущее может и не случиться, как может
и волновая функция не разродиться в факт.

•
Всё измеряемо – числами, шкалами.
Как микрожизнь – единица риска
(полчаса жизни, то есть $57/1\,000\,000$ лет) и
микросмерть (вероятность $1/1\,000\,000$ смерти).
Как шкалы боли и счастья,
формы фекалий и монотеизма.
Ах, измерить и произнести,
неужели это уже не опасно?
Назвать, как ударом хлыста,
приручить, измеряя, поимки
в безудержном рое явлений.

•
Небесконечен лист названий,
понятий, ощущений, композиций,
то есть прирученных кусочков Тьмы.
Машины – в этом веке – всё поймают,
разложат всё людское в Зоопарк.
Всё, что доступно нашим чувствам, мозгу,
посадят в клетку из сплетений чисел.
Всё человеческое и гораздо больше
над миром встанет Вавилонской Башней.

•
Числа живых и живших,
включая прионы и вирусы,
конечны, хоть и громадны.
Конечны и числа их состояний.
Склеив всё, получаем Мегахимеру:
жизнь, как одно большое число,
и всё же песчинку в величии
обоих, пространства и времени.
Вот так машины и чувствуют нас.

•

Первые раны объекту познания
наносят названия и числа-стрелы.
Земля непонятна, но в ней $\sim 10^{50}$ атомов;
было $\sim 10^{40}$ живых, включая бактерии.
Лишь микробионты кожи Земли,
плесень и слизь на поверхности Камня,
пылинки в размере и времени – мы –
знаем, что скорость земной эрозии – 30 В
(Бубнофф единиц), то есть 3 мм в столетие.

•

В среднем Космос – прохладный газ
(2.735 К), цвета «космический латте»,
протон (один) на 4 кубических метра.
Но массы пока хватает на плотность чёрной дыры.
Измерить/очислить Целое люди пытались и раньше.
От Песни Песней к Шиур Кома, размеры Бога –
сто сорок миллиардов вселенных.
Время Вед – бесконечность жизней/нежизней
Брахм, каждая – 311 триллионов лет.

•

Почувствовать вместе новые точки
в толще нашего знания.
Центральную точку хондрита Земля
в железном кристалле ядра,
центроид нашей Галактики.
Есть центр и у мира –
он в сверхпустоте Эридана,
в холодной точке/истоке,
в начале Большого Взрыва.
И самый дальний и быстрый
глаз (с 63 KB памяти) –
Вояжёр-1 – бегущая точка,
фокус Большого Контакта.

О ЖИВОМ И ЭВОЛЮЦИИ

Когда Жизнь металась
в кислородном угаре,
наливаясь метаболизмом,
туда и обратно – на сушу
и в многоклеточность...
Встреча на пожирание
трёх блуждающих клеток
скользнула в чудо слияния:
общую клетку с ядром:
первый интеллигент,
химера-эукариот,
два шага до человека.

•

Скалы, вода, CO_2 ...
Градиенты протонов
в термальных ветрах
легко породили живое.
От Эукариота к Сети –
тоже недолгий путь.
Великим прыжком и чудом
стали сами эукариоты:
сильные и громадные,
они потянулись к сложности.
Редкие зёрна мудрости –
ищите таких в Космосе.

•

За «скучным миллиардом»
микробов и водорослей,
до Авалона и Кембрия,
750 миллионов лет назад,
магма Земли охладела,
материки шевельнулись,
кислород просочился всюду.
Жизнь всколыхнулась
радугой сложности, но
без внутренних органов.
Съедобность ближнего
ещё не известна, и ниши
ещё не заполнены.
А мы – уже эукариоты –
были щепоткой шансов
в спектре возможного.
И это вот оказалось
серединой жизни Земли,
её столицей во времени.

•

Одеяло бактерий окутало Землю, как
часть их диаспоры в нашем парсеке.
Если был и Адам, то Эукариот,
гигант по размеру и сложности,
дитя самой важной встречи,
когда паразит ли, добыча ли
стали ядром, митохондрией.
Грибы, растения, мы (животные)
рассыпались по одеялу
в горячем супе бактерий,
вспыхивая и растворяясь...
Чем отличаемся мы от бактерий?
Пузырьком мимолетным, лети моя воля,
неуёмная блёстка в каскаде вселенной.

•

Секс – как танец геномов –
есть у бактерий и вирусов.
Горизонтальным трансфером,
а не дисциплиной мейоза,
взметнулись хляби Живого.
Кислород – как яд удвоения,
фотосинтез, эукариоты
возникли в редчайших –
раз в миллиард лет –
судьбоносных встречах бактерий,
а не по «отбору лучшего».

•

Если недолог век микроба,
то у макроба жизнь сложна:
пустые хлопоты секса,
восстания раковых клеток,
много врагов, старение,
ненужная сложность мира.

•

Типичная жизнь на Земле –
микробы в интимности
паразитизма/мутуализма.
Многоклеточные на поверхности,
с их хищничеством и сексом –
исправимые исключения.
Их влияние ограничено.

•

Как и при встречах звёзд, между
съесть и не съесть ближнего
есть частичные поглощения:
в материи – как при сексе,
во времени – паразитизм.

•

Паразитизм – это танец,
ведущий всегда к симбиозу.
Трогательны первые шаги:
кукушонок, увидев хищника,
спасает себя и птенцов хозяина
невыносимой волной запаха.

•

За первичным «касаться» и слабыми «нюхать» и «слышать», «видеть» – из технологии Кембрия – резко расширило знания особи. «Видеть» позволило «двигаться», прятаться и нападать, то есть спектр поведений, приведший к видеть и двигаться в мысли.

•

Не угасла ещё воля Кембрия: Жизнь штурмует поверхность Земли. Пожиратели света и кислорода оттесняют всё глубже в планету предыдущих владельцев Земли.

•

Жизнь пробует все струйки, капилляры, просачиваясь в Будущего поры. Не только крысы, мы и тараканы – сложнеют все, идя своим путём. Мы не цари, а княжество в природе. Нас мало в биомассе и числе, и роль людей не больше, чем бактерий. Не только мозг приводит к чудесам. Регенерация у гидры: из 300 клеток и из двухсотой от всего её объёма; другой полип способен молодеть. Есть ели и дубы по 10 и 13 тысяч лет; чёрный коралл и губки по 4, 10 тысяч лет. Живут сейчас с глубокого до-Кембрия – медузы, губки, дендограммы. Живут бациллы (неземные ?) на высоте 40 км. Рак Генриетты Лакс (убил её в 1951-м) живёт и делится, как новый вид, уже +20 тонн, быстрее и сложнее всех известных клеток.

- В модели Чёрной Королевы
путь эволюции – назад,
в компактность и загадку простоты –
снимая функции, что делают другие.
Как в пароксизме роли паразита,
в геном хозяина идут эндобионты, как
митохондрии ушли в структуру клеток.
Не паче ль сложности иная простота?
Быть сложным, даже быть отдельным –
суть лишь стратегии игры, где ставки
выше успехов и провалов фенотипа.

- Нечленимая сложность и факты
с вероятностью меньше 10^{-150}
не столько ведут к Инженеру,
как к несравнимости мира
с котомкой нашего знания.

- Да, эволюция похожа на учёбу
своей инкрементальностью, шажками.
«Фиксировать мутацию» похоже
на «уточнить модели вероятность».
Нужно не знать, а лишь уметь учиться.
Но, исключив Предвидение, всё это
создало новых идолов модели:
неограниченные клады Памяти.
Чем не Разумный Замысел опять?

- Конструктор ad hoc, Эволюция
неоптимальна, слепа и бездумна,
без памяти, плана, изящества.
Наши геном и сознание
полны устаревших деталей.
Но несмотря на это, а в этом
наши высшие чувства.

- Может ли, «хочет» ли Эволюция,
как динозавров, покинуть нас
ради чего-то нового?
Не так уж мы совершенны:
геном переполнен обломками
смертельных схваток с микробами.

•

Что есть личность –
союз нерушимый клеток?

Но 8 недель обновляют
всю материю тела.

А в ускоренном времени
даже полная жизнь –

случайная вспышка материи.

Как скользит смысл организма
в расщеплении метаморфоза,
в химерах и агрегатах амёб?

•

Что есть душа существа?

Точка ль контроля в мозгу,
точка ли хрупкости в сердце?

Седалищный нерв, по запрету?

Центр ли тяжести, плотности, ярости?

Потеря ли веса при смерти?

Отражение сверхсущества,
эхо первого грома?

А может, просто мечта иметь её?

•

Вызывающе обнажённая
нагая тайна Живого
ещё не приручена биологией.

Организмы, голобионты,
племена ли, виды ли, гены –
кто субъект Эволюции?

•

Прямо ли (хищники и паразиты),
косвенно ли (бактерии на органике) –
жизнь только переливается,
между сосудами-особями
обновляемым смерто-рождением.

Большие вымирания только
переводят «больших» в микробов.

Антибиотики только меняют
бактерий на более устойчивых.

Но как/почему меняется
общий объём Живого?

•
Над океаном первичной жизни –
бактерий, архей и растений –
смерчами идут цепи хищников,
пожирая, растя колонии клеток.
Микрожизнь отвечает паразитизмом,
бесчисленной армией малых.
Потоки рождений и умираний
несутся, как две Амазонки.
Но это и есть Эволюция Жизни:
микробы сложнеют, используя нас.

•
Люди – слишком земные, большие,
сложные и малочисленные – не успеют,
наверно, покинуть Землю вовремя.
А микробы – полунагие в камешках –
покрывают космические расстояния.
Выживают немногие, но достаточно
для расселения вокруг Солнца.
Есть и шанс заразиться жизнью
при редких межзвёздных встречах.
Однако, в масштабе Космоса, жизнь –
наше местная форма материи,
ну, на несколько мегапарсеков.

•
Организмы и их отношения
могут очень резко меняться.
Были же первые пары:
хищник и жертва,
клетка и тот, кто станет ядром.
Первые встречи, как симбиоз,
секс, многоклеточность,
далее – до Интернета
и социальных сетей.
Что в будущем?
Жизнь может слиться
в один организм или снова
рассыпаться в клетки?
Уйти в атмосферу, под землю,
в градации газа, цвета и звука?
Или просто вернуться
в небытие той же дорогой.

о причинности

Прорубили дорогу к Богу,
разрубив мир на ступени:
разглядеть в глубине аллеи
явление за ощущением,
причинный ряд за явлением,
волю/сущность за маской причины,
Собеседника в пламени воли.

•

Раскрашенный на явления и
прошнурованный тканью причин,
мир кажется бессмысленным.
Но, если свободны от наблюдателей,
явления сразу ползут друг в друга,
причины же деградируют в корреляции
и дальше, в непостижимость струн.
Каким же мир представляет Бог?
Собой в мерцающем зеркале?

- Охота за знанием — это представить
лики явлений во Тьме Бытия,
и кастинг: связи среди соседств,
затем причины из корреляций.
Наука осталась магией —
сплетая желания с фактами,
бросаем сети причинности:
поймать, разделить, обжарить
съедобный кусок Необъятного.

- Не верю в чисто случайное:
даже играя в кости,
или с Левиафаном,
или в прятки цимцума,
Бог оставляет следы.
Неизбежны яички смысла в
значительных глыбах данных
и длинных рядах событий.
Как в теореме Рамсея и
Пуанкаре-возвращении.

- В пропастях Мега-чисел,
в тоху-боху Бесформия
и в океане Случайного
сверкают структуры:
жёсткие, ясные лики значения,
рокот ритма причинности
в судорогах понимания.
И каждое зёрнышко сущего
влечёт вереницы зеркал,
поколения смыслов:
ударами осознания через
строй наблюдателей.
- Это только сейчас апофения —
лжепозитив и мираж структуры —
есть случай ошибки (первого рода).
А предки не отличали случайное
от непонятного и неважного.
Важное, всё, имело причину — часто
неверную — смысл, структуру и знак.
Имела смысл даже вера в серии:
ресурсы, опасности были скученны.

•

Так цена ложной тревоги ничтожна
по сравнению с ошибкой второго рода –
проглядеть саблезубого в шорохе –
что мы заполнили всё сознание
джунглями ложно-причинных связей,
поселили причину за каждым фактом,
а дыры заткнули верой, как ватой.
Отсюда тропизм всё структурировать:
законы, империи или симфонии.
Осознать же безотносительность,
аморфность и отчуждение мира –
это очнуться нагим, задохнуться в истине.

•

Эйнштейн и Дарвин не очень любили
неуютность Дискретного Мира.
Их Бог, непрерывно и честно,
соблюдает (свои же) законы.
Но прав Макиавелли:
Принц выше его же закона;
вспомните случай Иова.
Бог – психопат: непредвидим,
случаен и беспричинен.
Причинность шкало-зависима:
тает в малости квантов или
громадности долгого времени.

•
Глубокое Долгое Время
рождает мета-причины
по уровням результатов
всё более редких событий.
Далёкие/редкие выживания
особей-путешественников
важнее обычного рассеяния.
Вирус «добреет» со временем
и входит в геном хозяина.
Бипеды с лучшими лёгкими,
динозавры легко овладели сушей,
но Астероид Великий
опрокинул скрижали отбора:
динозавры-нептицы исчезли,
а из норок выползли мы –
живое второго сорта.
А визиты звёзд и вспышки сверхновых
стирают низшие каузальности.

•
Не затухает эхо Сотворения,
личинки прошлого по Времени ползут.
Мидраш шептал: «Не спрашивай, что было
до тоху-боху, до бесформия Его».
«Никто (и даже, может, Он) не знает, в чём,
как и было ли Начало», – так поёт Ригведа.
Мотив познания – позыв к причинам,
в Аттрактор Прошлого, откуда
течёт, как тяготение, причинность.

•
Ещё идут первичные процессы
своими шкалами по временной дуге.
Мир расширяется, но кластеры растут.
Галактика несётся, 630 км/сек,
к Аттрактору, что в сердце Ланиакеи.
А медленно: ядро Земли твердеет,
ползут материки, Луна отходит,
как волосы растут – в год 38 мм.
Познание уносит нас к истокам –
вспять по причинности,
в зияющую пасть Начала.

•
В зоопарке понятий –
случившихся вместе,
но не в рамках общей структуры –
смотрю на смешение смыслов,
как на огонь, водопад и зачатие.
Слова, что готовы к метаморфозу,
переливание знаков в смыслы,
обнажение скрытой причинности.

•
Как луч фонаря в ночи
лепит скульптуры из тьмы,
мы создаём рельеф,
наделяя факты значением.
Внимание режет узоры
лазером понимания,
выжигает лик соответствия,
полупричинность мира
из массы безотносительного.
Скользя по шкале осознания
в бездну невыносимой точности,
компактности и конкретики:
облако – в твердь алмаза,
Галактика – в сердце атома.

•
В дожде ощущений, отсутствий, гипотез,
в нарастающем гуле вскипания тревоги
Понимание встанет как радуга:
осмысление молний, обратно в стаю,
тепло и уют каузальности.

•
Размеры живых: $10^{-8} - 10^3$ м.
Законы физики и измерения
беспредметны вне $10^{-17} - 10^{12}$.
Но мир – это $10^{-35} - 10^{27}$ м.
В бездонных глубинах Малого
таятся первопричины.
А их конечные следствия,
проскочив людскую срединность,
тают в высях Громадности.

•
Мы не только ничтожны: это как посмотреть.
На пути к длине Планка, в бездонности Малого,
где пространство дискретно и всё нелокально,
оглянься: люди будут как звёзды.

о Боге и морали

Бог прост как точка:

ни частей, ни атрибутов –
лишь вихрь Имён.

Его непостижимость обложили
истолкования, решения миньянов,
пророческие тексты, гематрия,
тмура, нотарикон и девекут,
святое «прилипание» к Нему.

Создали-таки чувственное
знание о Нем, Его тенях,
параметрах, привычках.

•

Пространство Он создал до времени,
как место Его отсутствия,
цимцумом – контракцией Имени.

Время, как воды, стало потом.

Набросал под него атрибутов,
камней и программ Живого.

Улыбнулся светло и ушёл:

навсегда, по часам аквариума.

•

Он создал мир и ушёл, и
вряд ли вернётся вовремя,
да и вряд ли подсматривает.
Если нечего делать, любите друг друга;
боритесь за что-то; ну, размножайтесь;
или просто: спокойно шалите.

•

Бессмысленность мира –
не повод отчаяться.
Клетка – не заперта,
остров – необитаем;
на свои опиоиды –
страха, воли и радости –
строится вся избушка.

•

Даже если мы, люди, и вообще,
разум суть патогены для биосферы,
болезнь на десяток миллионов лет.
Даже если секс, многоклеточность
провалятся как стратегии
в войнах между микробами.
Даже если все клетки и атомы
рухнут в менее ложный вакуум.
Даже если, ища надежду, найдём
в глубине деконструкции
лишь Его равнодушие.
Стоит верить в своё присутствие
и единственность своей точки,
без всяких причин и следствий.

•

Значение жизни:
не отвлекаться от целей,
уважать свои секунды
и не бояться смерти,
последнего приключения.

•

Где прячется 12-й имам
и 36 защитников планеты?
Мы ждём, а значит, не сироты.

•

Пирамида добра перевернута:
точны детали, безумен план.
Расширяясь, добро испаряется:
холодна Его относительность.
Лишь в малом ещё выживает счастье:
здесь и сейчас, только в нём и с ней.

•

Щемящая точность пильпюля
порождает чудовищ логики:
Тьма – не отсутствие света,
а творение по умолчанию
до её названия Ночью.
Мессия придёт досрочно,
не в дату 6000, а сразу в субботу,
соблюдённую всеми или НИКЕМ.

•

Тора явилась нагая
дождём из буковок
чёрного пламени.
О, как больно в глазах!
Шалью из трёх ошибок –
разве в значке над буквой –
укутали пламя истины.
Стекает Нерастворимая
по лестницам понимания
в каменный сад толкований.

•

Явления созданы мемами:
в рою беспорядочных встреч
знаков, значений и смыслов
рождались объекты Реальности,
осыпаясь падшими ангелами,
осуждёнными вновь прожить,
заслужить свой возврат в Небытие.

•

Продираясь на дне, через
груды разбитых сосудов –
одичавших, с потерей функции,
исходных Сил Разделения,
сил мета-кошерности...
Из бездны бентоса
через «снежинки моря» –
выделения, умирания...
От уютной плотности Зла
к невесомости Света
надо всплывать медленно.

•

В законах Живого есть исключения,
чудеса поведения и структуры,
контрапункты к законам о Человеке.
Медузы, свободные от старения;
Личинки, живущие выпустив бабочку;
Жук Эпомис, ловящий лягушек;
Бамбук, что цветёт раз в 130 лет;
7 полов инфузории тетрахимены;
проституция у пингвинок – за камешки;
турнир акулят в материнской утробе;
самцы, живущие в теле самки или
в оргазме с откусом их головы;
шекспировские судьбы паразитов;
гибриды, метаморфы, симбионты.
За каждым таким фактом
есть причина. А значит, этика.
Возможна ли мораль всего Живого,
Талмуд для всех, включив растения
и, может, вирусы, бактерии, прионы?

•
Мораль идёт не от Бога,
а от неизбежности правил
делить добычу, самок, опасность.
Она расширяется с опытом
осторожного сдвига границ.
Мораль – неизбежная вера
у всех социальных видов.
Но правила, общие всем животным,
могут быть и прямо от Бога.

•
Культурные универсалии
меняются геологически быстро.
В сокрытии женского – чадрой,
бикини или по-японски
(прикрыть разве розовое) –
отличия только в символах.
Придут ли глобальные правила?
Нежелание есть насекомых уже растворяется,
а есть «больших» станет сложнее.
Чем человечина хуже свинины?
Микробов-то мы едим легко.
Эволюция правил лишь усложнит ритуалы,
режимы по умолчанию
уменьшат нагрузку решений.
Трогательное правило-творчество неизбежно
и в ad hoc-группах: оргиях, драках и войнах.

•

Наши уклад, мораль и стратегии
геологически сложились недавно.
Целью было лишь: до утра выжить.
Только страх вёл к риску и вариации,
риск был важнее такой же выгоды.
Решения остались нерациональны,
это только изменения состояний.
В заколдованном саду решений –
крадётся сегодня этот же зверь.
Опьянённый выбором, ищет аналоги
понятных: опасности, корма и самки.
А мораль была спайкой: чистота
и лояльность к вождю и племени.
Личное – справедливость и забота –
вспыхнуло кристаллом монотеизма,
огнями искусства, науки, демократии.
Но понравятся ли судье-Эволюции
эти недавние странные тренды?

•

Невидимый третий всех разговоров,
«мир-и-мораль», наблюдает
каждую важную встречу.
Зло и Добро – это чуют Свидетеля,
заручаться поддержкой стаи.

дороги Хомо

Признание душевладельцами рабов, женщин и «всех людей» ещё свежо и проводится в жизнь. Последуют психо-особенные, близнецы-паразиты, эректусы, дети, братские млекопитающие, попугаи, вороны и восьмирукие. ООН увязнет в конфликтах – осьминожного-кашалотском и свино-человечьем. Но обыватель изменится мало в федерациях важных видов. И опять космически малая горстка земных организмов несётся в комете Времени.

•

Из 150 000 поколений Хомо,
отмахали 5 000 как Сапиенс.
Вид молодой и подвижный.
Не то чтоб особенно мерзкий, но
и не тот, что любил Уолт Уитмен.
Казалось, мы все обязаны
любить семью, нацию, вид.
Но взрыв свободы и знания,
сметая все обязательства,
создал совсем другие оковы.
А может, всё это не ново:
конфликт «морали» с развитием
шёл уже с первых бактерий.

•

Готовясь к встрече с Другими,
не следует ждать «датчан»,
а стоит понять микробов,
их смыслы жизни и воли.
Земля – планета микробов.
Люди, да что там, все
многоклеточные – суть только
их транспорт, дома, машины.
Они обезвредили антибиотики.
Вирусы будут сложнее,
черви, растения – проще.
Дипломатия-в-космосе, если начнётся,
то со словарей языков животных.

•

Внеземная воля – контакт
возможен в те, что остались
нам: 10–5000 тысячелетий.
Мы уже засветились визгом
доцифровых ТВ и радио.
Однако не следует ждать
в них ни врагов, ни друзей,
понимания, общих взглядов.
Наверное, мы несъедобны и
наши игрушки им не нужны.

•

По дороге в 1 миллиард
обещанных сердцобиений
идут все люди, животные.
Такие, кажется, разные; зато
похожие, глядя из Космоса.
Не будут нам братья-по-космосу
ближе земных растений.

•

Космос – не социальный клуб.
Уход в одиночество сложности
уменьшит число сравнимых.
С Другими – возможной общности
не хватит даже на ненависть.
Разве ставши опасными,
сможем привлечь внимание.
Наши братья-по-космосу –
только земные животные да
горсть неконтактных племён.
Не будет Других – не успеем.
Инакость народов скоро пройдёт.
Экспансия, переоткрытие мира
пойдёт через дружбы с другими –
живыми, но только на этой Земле.

•

Недавно – геологически,
ушли все «другие люди».
Геологически скоро уйдут
шимпанзе, гориллы, оранги.
Убрали себе подобных,
уточняем опять (войнами),
кто ж и впрямь владеет Землёй.
Без соперников и свидетелей
встретим милых братьев по разуму.

•

Задолго до нас цианобактерии,
первые сверхинженеры планеты,
выделяя O_2 , отравили живое;
остатки стали ДЫШАТЬ кислородом.
Так же и мы: продуктами мозга
перебьём остальных (и себя) животных,
перебьём всех коллег и посредников
по пищевым цепям до простейших.
И выживут не тараканы и крысы,
а снова, как прежде, микробы-мутанты.

•

Нужность и сложность эмоций
с эволюцией Хомо мельчает.
В подсознаниях недра скудеют:
культура выгребла главное.
Неизвестные нам эмоции
остались лишь у животных.
Серый Алекс, Канзи, Коко
всего лишь людоподобны.
Пусть ищут наши Колумбы
пряности, чувства, причины жить
в океанах страстей животных.

•

Растут знания и человечество,
но человек деградирует в среднем:
уменьшается череп и мозг.
Натуральный отбор прекращён
медициной и деторождением.
Личность стирается – меньше нужна,
а центробежность растёт
генетически и в Интернете.
Движемся к нациям-ульям.

•

Ненадобность шлифует организм:
с уходом саблезубых тигров наш мозг
уменьшился и чувства притупились.
Культура лишь развила социальность:
зачем ей особи, ведь нет незаменимых.
Безостановочно тупеет средний Хомо,
слипаясь в кластеры термито-государств.
Прогресс лишь ускоряет атрофию:
за шахматами, в го машины-самоучки
уже сейчас умнее наших лучших.

•

Да, помогла двуногость:
видеть, бегать, носить,
расширился череп и мозг.
Зато теперь появились
артроз, родовые муки...
Хорошо бы опять на 4 ноги,
как в сексе и невесомости.
Чтобы подольше жить,
детей вынашивать дольше
и моногамствовать меньше.

•

Мы были миллионы лет
лишь крысами динозавров:
прятались, но вылезали
ночью за их обедами.

•

Подчиняя Землю, мы волнами
вышли из сердца Африки.
А крысы вышли из Азии:
чёрные – в 14 веке, с Чумой,
через Шёлковый Путь и Крым;
бурые – в 1727 через Волгу.
Сейчас они нам соперники.
Но, может быть, это ближайшие –
по качествам, духу и воле –
собратья в глубинах будущего.

•

После Чёрной Смерти (14 век)
наш вид растёт непрерывно:
с 370 до 7500 миллионов.
Быстрее, чем думал Мальтус,
но принято не волноваться.
В эквиваленте сухом нас
100 миллионов тонн углерода.
Наговорили 42 зеттабайта
(10 в 21-й степени) речи.
Ощущаешь ли ты близость
с этим Левиафаном?

•
Через узкий проход в Грядущее
пропихнуть своё семя/отпрысков,
не это ли цель эволюции, булавка,
которой мы все приколоты?
Но сверхпаразит – общество
(другие цели других)
вставило лестницы средств
и супернормальные стимулы.
Знания, власть, наслаждение
из средств превратились в цели
(как я – наркоман науки).
Но, может, это и есть Размножение –
почкование целей от средств –
сверхцель эволюции, как прыжок
к фотосинтезу или на сушу?

•
За 3D-принтерами пойдут
роботы-подхалимы-куклы,
приборы сверхвосприятия
ультра/инфра цвета и звука,
переводчик с дельфиньего.
Заменят других на удобных,
любимых на аватары.
Гаджеты всё крепче
вонзятся в плоть потребителя.
Бессильные ограничивать,
упрёмся опять в тупики, типа
наркотиков и порнографии.

•

Задачи сложнеют быстрее нас.
Недалеки пределы мышления,
границы доступной сложности.
Размеры данных и сроки опытов
превзойдут человеко-возможное.
Машины и их людские подобию –
коллективы, киборги и гении –
закроют науку для одиночек.
Атлетизм ума превратится в спорт,
как орудия сняли потребность в силе.
Философы и математики/физики
отступят с боем, последними.

•

Не люди, не общество, а технология
рванулась вперёд обезумевшим псом.
Не успевая за ней, человечество
бежит, растянувшись на тысячи лет.
Казалось степенным развитие общества,
но тройка науки уже понесла –
метаморфозом, пылающей бабочкой
отделится первый, и главный, вагон.
Элиты всегда отделялись от черни,
но после сливались назад –
монотеизм и другие диффузии
держали устойчивым Хомо как вид.
Уже с языка, земледелия, Сети
возможное вздыбилось супервулканом
и знания лавой хлынули в Хомо.
Налоги, законы, все меры диффузии
не смогут ослабить Неравенство Знания.
И, в беге цикад, при демо- ли, авто- ли кратии,
где-то на подступах к первым огням Сингулярности,
элита, как раковый фронт Олигархии Знания,
сумеет теперь отслоиться, почкуясь как вид.

•
В 16-м веке любили страдать,
сейчас обязательно – счастье,
любовь – ОК, людоедство – не очень.
Но всё это лишь социальные моды,
кастинги в универсалии.
Но свобода, порядок, амае, ислам...
несовместимы и неустранимы.
Нет «человечества» на Земле:
в шкурах религии и государства,
племена гоминидов делят планету,
в древнем наборе целей и чувств.
Мораль и политика – тоже не ново:
лгать мы умели и в Плейстоцене.

•
Между Землёй и Космосом
ещё бредём по пустыне.
Свободны от гнёта среды
с открытия земледелия,
но ещё такие же стаи
гоминидов с теми же идолами,
промежуточный вид –
Человек «Разумный».
Моисея не будет, но Ханаан,
как следующий вид, возможен.

•
Общество заменило природу
как двигатель эволюции:
наш вид приручает себя.
Демократия и диктатура
отличаются только стилем,
переходят друг в друга как моды,
не замедляя рост социального.
Личное опять обусловлено общим,
круг близких людей сокращается,
племенное ещё добивается.
Неоимперии – псевдоплазмодии,
сверхмногоклеточные слизевики
опять расплозились по планете.

•
Человечество как авантюра Знания –
это весёлый способный ребёнок.
Гейзеры злобы из общества – можно
предвидеть, понять, уклониться.
Природа, в сравнении, кажется доброй.
Та часть неизвестного, что мы сознаём,
не смотрится срочной опасностью.
Гости из космоса, вирусы, роботы...
не страшно: договоримся опять.
Чёрные-чёрные, лебеди Рока,
не торопитесь нас унести.

•

За жизнью —
простым обновлением праха —
и паразитами — есть частями —
из Кембрия вышли хищники —
ускорить трансфер протоплазмы.
Над хлябью Живого соборами
встают пищевые цепи —
дороги-правила смерти.
Если Хомо и выживет
на тропах Долгого Времени,
то лишь опускаясь, по пище, вниз:
от насекомых, растений, планктона
к минералам, газам и взвесям.
До дна — в режим фотосинтеза.

•

Исход игры совсем не ясен,
не выпить нам бокал планеты.
Летит и наш метеорит или
циклон мутаций вируса.
И за последний миллиард
до опаления Земли
другие хищники захватят
глаз бури всех существований.

•

Бог прав: размножайтесь как крысы,
плодите коктейли кровей.
Захват новых генов, площадок и знаний.
Вперёд, Обезьяна, нагая: твой срок.

Cosmopolity

Да не безродный я космополит.
Между двумя сверхновыми
(от матери Солнца к ИК Пегаса),
живут наши в Шпоре Ориона
(рукавчик, где-то парсеков 8000
от центра родной Галактики).
Сами-то мы – эукариоты,
вся родня – двусторонние.
Ну а если точно, то хордовые,
из этих, вторичнополостных.
Знаем твёрдо, кто и откуда мы.
Постоим за Галактику-мать.
Тут – наши исконные земли,
могилы солдат и предков.

•

Смешно и страшно, когда религия селит
чёрно-белость богоприсутствия
в приватность туалета.
Входить с левой, с шапкой, с молитвой,
выходить с правой, благодаря его
за мудрый дар выделения.
Жёсткая точность даже граничных понятий:
мустакзар (слюна чиста, но отвратительна),
мукайяд (вода соков чиста, но не очищает),
узр (неомовение, когда простительно).

•
Осторожно волнуясь, латают
пробоины в своих взглядах
эликсиром прирученных перемен.
Великана, если он встретится,
сочтут ветряной мельницей.
Санчо Панса за масками Фигаро,
французы бегут по жизни –
не расплескать бы душу –
как в гонках лихих официантов
с подносами по Парижу.

•
Не отрицай Гвуру: Бог бьет, но только левой рукой.
Като-французы не позволяют все выражения гнева.
Испанцев и русских считают инфантильными,
не способными скрывать отрицательные эмоции.
Злоба, не выраженная, не растворенная в возможном,
концентрируется в яд «законного возмущения».
Главная доблесть: реконструкция лицемерием.
Конфликтов меньше, но они неизлечимей.
И вырабатывается горькая амбра, угрюмость души,
как *Les feuilles mortes se ramassent a la pelle...*
(опавшие листья сгребают лопатой...) Жака Превера.
Все-таки мир Яфета хуже восточного хамства Хама.
Он уж совсем не тёплый. Не Запад ли Амалек?

•
Сардины, увидев хищника,
спаиваются так, что стая хрустит,
когда он отъедает ломоть.
Не идеал формирует группу,
а общие страх и ненависть.
Идеалы вторичны: по отрицанию
деталей подхода к Ужасу –
единого, доназываемого
монотеизма ненависти.

•

Начало, конец души
уточнятся ещё не скоро.
Ещё не ясны границы сознания
с младенчеством, комой, безумием,
гипнозом, сном, опьянением.
Но всё же громадные груды
готовых к норме людей
швыряет Время на берег –
много свежей и мокрой рыбы –
la Crie – время первой продажи.
Государства, идеологии, семьи
разберут, делят, разделяют
поколение за поколением.
Обрежут неясность границ
измерят, отсортируют
и расфасуют умело
тушки наших душ.

•

Жизнь длится, при одноплодии,
от 5 минут (однодневка Долания)
до 130 лет (бамбук Мадаке),
но обрывается за исходом гаметы.
Да и при многоплодии жизнь
угасает с концом размножения.
А у трёх исключений –
косатки, гринды и люди –
длинный постдетородный период
объясняют «эффектом бабушки».
Но люди сейчас отделяют
свою жизнь от деторождения:
воспроизводимость (2,33 на женщину)
прекратилась во всех «развитых» странах.
Ни людям, ни человечеству
не нужно много детей;
это нациям нужны граждане.

•

Прогресс тормозит деторождение.
Секс и религия не помогают...
Дети теперь – не подмастерья,
не продолжатели, не формы пенсии.
Им легче строить себя
не вместе с, а вместо родителей.
Государства-кукушки легко отвлекают детей,
выжав родительский сок из нас.
Им нужны солдаты, налоги.
Государства должны оплачивать сами
распечатку, в своих интересах, граждан,
создав специальных маток –
как у пчёл, муравьёв, термитов –
заводы детопроизводства.

•

Племена и государства, их кучи,
ведут себя как крутые подростки.
Можно, конечно, в них «только верить».
А если нет, то нужно прошныривать
между их лапами тираннозавров,
пока не придёт астероид-спаситель.
Впрочем, были короткие, светлые годы,
скажем, пещера Бломбос, Афины Перикла,
поздняя Чжоу в Китае, Самарканд Улугбека,
Флоренция при Лоренцо Великолепном.
Когда культура шла во 2-й с 3-го круга власти.
Когда Аристотель, владелец знания,
учил Александра, владельца пространства.
Не увидеть мне такой минутки:
прочная ночь кругом.
Одна надежда, свеча во тьме –
виртуальное племя,
заложники и праотцы грядущего:
читатели Википедии
да верные фанаты знания –
её анонимные авторы.

•
Через города, небоскрёбы
с деградацией особей
и укреплением наций
идём к термитникам, ульям.
Там-тамы фашизма –
боязнь центробежности
и права на ничтожество –
глушат писк демократий,
штампующих вновь неравенства
через знания или деньги.
Капитализм – измерять деньгами –
только замедлит это процесс.
На каждые десять учёных
университеты плодят 1000
новых фанатов фашизма.
О, мой народ Википедии –
обобщённые люди Книги –
растворись, но выживи
в торжествующих Спартах.

•
Португалия и Голландия были –
недолго – первыми нациями.
А Франция и Россия веками
были только вторыми.
Какие футбольные страсти!
Сейчас только нации
дают пайку каких-то прав;
апатриды беспомощны,
как сироты или бесполое.
Малая, тихая воля –
быть вообще человеком –
замри, уцелей, доживи.

•
Не всё глобальное объединяет Хомо.
Раствор английским WWW достиг предела.
Перерастут ль Е-нации в подвиды –
Китай, Иран, Россия, изоляты?

•

Ох, не новое наше время:
средневековые ещё идёт.
Ислам, Китай и Россия
правы махать клешней.
Возрождение опять уходит,
опять развернулась история.
Мы не прожили все потопа,
не испили все чаши злобы,
не готовы к человечеству-2.

•

Даже будучи мерзкими, факты
имеют права и обязанности
в раю объективного знания.
Как Бристольская шкала стула
или стиль и мелодии пыток.
В 1529-м культура Европы выжила,
узнав детали подкопа Вены при
пытке, жуткой, пленного турка.

•

Перерабатывая кофе в теоремы,
помянем осаду Вены в 1529-м.
Проиграв «битву кротов», Сулейман
ушёл, но забыл мешок с зёрнами –
стимулянт непьющих турок.
Так Кофе открыло Запад.

•

Культура не лечит от зла.
Хорошие акварели Гитлера
и стихи раннего Сталина
лишь усилили их внимание
к другим творческим людям.
Диктатор-художник режет точнее.

•

Ненависть к чужаку,
метэку, гайдзиню, лаоваю
обобщает страх патогенов.
Но только умножив на идеал –
чистоты и первородства, –
выводят крепчайшие сорта:
на еврея, цыгана, рохинджа.
«Спасай Россию, Словакию, Мьянму!»
Поёт с любовью душа погромщика.

•

Универсалии начинаются как
особенности национальной культуры.
Чужак отрицается в форме любви
к «нашим» и уникальности их понимания.
Вагнер музыку, Биберах геометрию
очищали от «жидо-французов»,
выдавливали их из человечества.
Но нацуниверсалии, отслужившей
в спасении испуганной нации,
надо бы слить накопившийся яд,
перейти на службу всему человечеству.
Ну не так уж загадочна русская душа
(быстро ездить, только верить, выпить)
и не только японцам доступно
печальное очарование вещей.

•

Романтизм – это тяга к Матери,
очистить её от Другого,
выжав его из жизни.
Немного поэтики Вагнера
или Льва Гумилёва,
и, в похоти нациомистики,
можно крошить нацменов.

•

Интернет возродил Поэзию Брани –
праматерь всех языков:
гейзеры горькой ненависти
бьют со строк комментариев.
Клеймят «Рашкины поцтриоты»
«жопулизм» Обама и «украи»
«либерастов» и жидо-чего-то-там.
Горько, но это тоже культура
и мета-мораль Поэзии:
создание мемов, мечта о чистом,
какой-то мутант любви.

человек, другие

Венеры из Берехат-Рама, Тан-Тана, 230–500 тысяч лет назад: протолюди увидели женщину в камне, добавили охру, насечки и веру – искусство, абстракция и теорема. Венеры Палеолита своей наготой раскрывают желание, как геометрию: грудь и бёдра вписаны в круг, а вся композиция – в ромб. Не могла измениться сущность желания, но множество разных подходов к нему, личинок, моделей почти-желания создали художники с той поры.

- Женщины, как суровые офицеры, присяжные сексуального отбора, что судят от имени интересов племени. Да что там, от имени всей органики, смывая взглядом шкурки того, что не относится прямо к Делу: отцовскому вынашиванию семьи.

- Скелет беззубого неандертальца
означает, что кто-то жевал для него.
И что мы теряем искусство любить
с развитием технологий.

- Кабир, Окуджава воспели
единство Любви и Разлуки.
За этим стоит интимность
Секса и Смерти в природе.
Осьминог умирает, послав гамету.
Львицы приходят в эструс
с убийцами их детей.
Пауки выбирают самок,
только что съевших самца.

- Любовь – безумие вдвоём:
переходить свою границу/меру.
Цель – это проглотить Другого
или, что то же, утопиться в нём.
Страшны и большие группы,
где равенство невозможно,
кроме худших моментов
массовой злобы и рабства.
Люблю малые, 3–7, группы,
звонкие кучки твёрдых шаров,
соавторы-сообщники-охотники,
как до Каина и земледелия.
- Понять Другого –
как ожог чужим крылом,
разрыв рутины эгоизма.
Но сладость симбиоза лечит –
окситоциновые ванны мозга –
любовь и дружба: приручать Других,
брать в плен и отпускать в своём дворе.

•

Приручать – это форма охоты:
собак – бабуины, дельфины – губок,
тлей – муравьи, но и их – голубянки.
Волков – охотники, а их же,
как злаки и скот, – землепашцы
(не убил, приручил, Каин Авеля).
Капитализм приручает полуфашизмы.
Приручать – это склеивать акты охоты
в многоклеточность целой системы,
паразитизм большого на среднем.
Так Кембрийское кредо «сожри соседа»
превратилось в изящное «ну, объясни им».

•

Нормопаты бегут по кособогу
между обрывами Аутизма и Шизофрении,
между избытками локальности и глобальности,
между не понимать других и понимать их неверно,
между слишком и недостаточно плотным миром.
Не стоит селиться надолго в садах безумия,
но нужны обе крайности при добыче знания.
Парить в психозе, почти невесомым, над Океаном,
заметить малое-дрожащее-незавершённое,
воткнуться метеором в плотную глубину,
до аутистического экстаза Встречи,
и разрядиться пружиной назад,
но с тушкой свежего знания.

•

Даже в моменты эврики –
осознав сдвиг парадигмы,
но, ещё не почуяв выгоды, –
мозг цепенеет в ужасе:
зверушка боится света.
Мы живём в восприятиях,
как червячки в яблоках.
Реальность удобно съедобна,
пережёванная иллюзиями,
в расфасовке лжевремени и
лжепространства личности.
Какие там братья по разуму,
понять бы соседа по лестнице.

•

Эффект Акелы –
сохранять за знания
(не только ради внуков)
бесплодных «сенаторов» –
нашли у людей, гамадрилов,
слонов и китовых:
слонихи старые знают
далёкие ямы с водой.
А вот нас, учёных,
выгоняют на пенсию
уже с 63–65 лет.

•

Среда влияет четырежды
сильнее общей генетики,
судя по близнецам,
сравнимым в их 50.
Культура – эпигенетика
ваяет в горниле общества.
Разве скользя в расщелинах,
между углями и бликами,
может уйти ящерка
к печам своего выбора.

•

Тела одеты, но мозг обнажён.
Мы ВИДИМ чувства
других животных:
коллег, друзей и прохожих.
Схватка чтения мыслей
идёт в любом разговоре.

•

Равноправию в стяжке не быть
без узких и точных целей.
Как зебра и страус: удвоить чуткость,
то есть сообщники по выживанию.
В семье оно невозможно без третьих:
общих детей, врагов, предрассудков.

- Свободная воля свободнее в «зле»,
во мгле одиночества, в до-наказании.
А в актах «добра» наслаждение
делится на число согласных.

- Выбор из двух радостей
свободнее, чем из зол.
Свобода – это надежда,
а не детали выбора.

- Яркие жесты и мимика
превосходят слова
в концентрации смысла:
агрессии, лжи и флирта.
Кнель (перевёрнутый «Neil!»):
свежий знак жидоедства.
Подбрасывание – знак банд,
змеиный взгляд, глаза-омуты.
А английская королева Лиза,
как и моя какаду,
даёт лапку не полностью
и чуть-чуть с опозданием.

- Узнавание себя можно проверить,
шатая свои границы.
Эффектом «зловещей долины» –
ужас человекоподобия –
как зомби, протез и труп.
Или иллюзией «странного лица» –
увидеть, один в полутьме,
в зеркале через минуту
иного себя и Других,
брататься со своими демонами.

- От честной «улыбки Дюшена»
к «древним» улыбкам скульптур
и маскам-улыбкам загадки/лжи –
возможен контроль над танцем
двух лицевых мускулов.
Но профилем лгать невозможно:
душа, не прикрытая сбоку,
нага, слепа, беззащитна.

о пределах, тревоге, смерти

В громадных бесформенных данных,
за заборами опыта, чувств, аналогии,
без надежды и нуль-гипотезы,
почуять Непознаваемое и,
в судорогах несовершенности,
уткнуться в стенку аквариума.

•

Ощутить пространство безлюдия —
всё, что не тронуто человеком —
ни рукой, ни глазами, ни мыслью.
Стада неосмысленных фактов,
объекты без контура и названия,
неизвестное Неизвестное,
никогда и ни в чём не доступное.

•

Приближаться к стене Несравнимого
звонит полувыходом из человечества,
как в «зоне смерти» с 8 км на Эвересте.
Но обаяние предела есть даже и в слишком
длинном и медленном, как в падении капель
битума (9 с 1927 г.) в опыте на сверхвязкость.

•

Сравнимое, но ОЧЕНЬ
большое и долгое,
кажется бессмертным,
внимательным Богом:
замыканием постижимого,
смыслом сферы присутствия.

•

В обращениях к хищнику есть аргумент и поэзия.
«Я – мёртвый», «опасный», «безвкусный»,
«не тот», «устанешь меня догонять».
Уменьшить риск, приблизившись к соседям,
ранить соседа – предложить его.
Косяк насыщает хищника –
с ним разделить укрытие.
Переполнить врагов при взрывах рождений:
кораллы, цикады, бамбук.
А у нас, очень старых животных:
«Ладно уж, съешь меня, что ли».

•

Когда придут четыре курофунэ,
пощады нет от чёрных кораблей
и демонов, что высыпят на берег.
Божественный тайфун не состоится,
но есть амаэ – мужество зависеть.
В финале встречи хищника и жертвы,
последняя стратегия – любовь:
узнать отца в чудовище над вами.

•

Не ушли, не уйдут саблезубые тигры:
за 10 парсеков крадётся сверхновая смерть.
Ночь Космоса, полная ужаса звуков,
прижала нас к стенкам деревьев-домов.
Секунда сверхновой (или вся жизнь Солнца)
есть мера громадности – 1 фое.
Так кричат звёзды, встречая дыру.
А гамма царь-всплеск, 8800 фое,
прошёл рядом во времени, в 2008-м.

•

Романтический пафос старости:
не встречать ликвидаторов Времени
баррикадой обугленных смыслов –
грудами взглядов, привычек, вещей,
а выпить визит, как цикуту.
Моя девочка-каравелла,
уходящая мягко в Ночь,
в мою маленькую бесконечность,
под серым знаменем старости,
за золотом невозвращения.

•

Умирать –
скользни моя нацепочка, колечко-шатунок
с иглы/оси Времени, Экскалибур-размерности,
в пучке пространственных обычных измерений.
Умирать – скользить с Иглы – стружкой,
искрой и жужжанием замирающего волчка,
оставив след лишь в облаках виртуальности.
Прийти в свободе/дисциплине мысли,
к их слиянию
и чистить пёрышки, как какаду, что прожила
со мной лишь первый из положенных 80 лет?

•

Виды тоже суть особи, разве что в больших
структуре, пространстве и времени.
Смертность себя, семьи, государства
мы уже допускаем. Но только не Хомо.
Так тайно мы верим в бессмертие
песчинки/себя, в непрерывную память,
в наличие смысла и прочих абсурд.

•

За щелчком личной смерти неустрашимы и
смерти семьи, государства, Земли и Солнца.
Земная жизнь не продержится и миллиарда лет.
Ну, ещё миллиард-другой уйдёт на микробов
в глубине коры или стратосферы.
Все, однако, надеются, по умолчанию,
на бессмертие Нас, человечества,
хотя нам цена максимум 5 миллионов лет.
Больше: люди верят в бессмертие
их племён-государств; ведь ещё существуют
старейшие: Иран, Вьетнам, Шри-Ланка, Израиль.
Размножаются быстро и клетки рака
Генриетты Лакс (умерла в 1951).
Каждый внуками, публикациями ли
замедляет смерть памяти о себе.
Есть и очарование Смертью:
средневековые пляски с ней, Седьмая печать,
Бон Одори и сладость Околосмертья,
говорят возвращенцы. А может, просто
стокгольмский синдром,
последняя хитрость мозга?

•

Вижу тебя, гоминид-потомок –
комочек думающей воды, –
откопавший часть моего черепа.
Такой эпизод – музейной костью –
не усложнит геологию Времени,
медленный взрыв моего «я»:
разложение, расширение,
растворение, испарение –
по распаду протонов,
к Тепловой Смерти.

•

Жизнь трупа значительно дольше:
скелетом, распятым в смоле,
плыву по Дороге Времени. Таю и
леденею в пламени-холода времени.
При вспышке метаболизма,
в пучке разъерошенных смыслов,
я бил – крылышками мотылька –
не слыша метамелодии.
Выветривание – тайна бытия,
Уроборос – ритм ритмов, ведёт
очарованный танец материи:
создание как элемент распада.
Замыкаются линии времени
в бесконечностях полураспадов:
плыву по моей бесконечности
к нирване слияния в точку.

•

Старый самец человека,
крадусь по оврагам улиц,
верный законам физики,
гражданству Антропоцена,
с тем же колчаном желаний.
В сладости догорания
очиститься от добычи
раздачей вещей и знаний
и мстью – добром за добро –
близким людям и птицам.
И на пустой желудок,
опустошив колчан и карманы,
эмигрировать вон из жизни.

•

Блоб человечества – полгигатонны,
слизевик – семь миллиардов амёб –
растёт экспонентой за счёт биосферы,
ползает, гадит и жрёт.
Я – тоже амёба плодового тела,
но как-то неверен ему:
амёбой отдельной, горошком беспечным
катиться – пьянея от счастья, – во тьму.

О ПОЭЗИИ

Бревитас эти – усилия краткости, идеи-киборги – ошкурены тропами, или букеты пылающих фактов. Не столько поэзия или риторика – как вопли – страха и удивления, ужаса и восхищения – в пещере сокровищ, чудовищ и тайн, которой открылся мир.

•

Пишу о космическом, так как вижу в нём те же нужнейшие тепло, надежду, убежище, те же пейзажи и чувства, такой же источник пафоса.

•

«Мысль изречённая есть ложь», знал Тютчев. И подробно объяснил. Так и сейчас, в мои 75, потребность объяснить сильнее, чем боязнь солгать: «быть» перешло в «сказать». И боль, что есть кому/что сказать. А русским языком – это как возраст, мне слишком поздно это избежать.

•
Лучшее чувство: первым войти
в необитаемый остров-образ
и, не овладев, растворяя его,
отпив только первый глоток,
передать его следующим людям.

•
С самим собой интервью
отмывают белее всего.
Оказались нужны читатели
отдавать добытые образы,
чтобы утром опять выходить
на охоту по мокрой траве.

•
Чем не забавна автофилиппика?
Самоукусы моют белей.
Верлибр, отсебятина, мегаломания;
Отсутствие тонкости, нежности, меры;
Нравоучительность, grandiloquence;
Помпезность тематики, терминов, стиля;
Гротеск (многоплановость, метаморфоза);
Манерность, неясность, нечеловечность;
Нескромность, небрежность, нагроможденья;
Незавершёнки да черезчурь поганая;
Китч на патетике. Что-то ещё?

•
Я не боюсь нагромождений:
чрезмерность – это часть сигнала
(для каши нет избытка масла).
У точности своя эстетика,
свои приличия и адресат
с нехрупким фокусом внимания.

•
Мои тропы – несложные:
перечисления, гибриды смыслов,
стаи литот, скользящая камера,
сдвиги масштаба/проекции/фокуса,
Иностранный Легион терминов,
отливы в ритм множественности.
А фразы, структура – обычные.

•
От проповедников к Джону Донну,
воины Слова знали эффект
нарастающих перечислений:
амплификация и экзергазия.
Перечисления как заклинания,
неудержимый прилив смысла.
Ритмический марш значений
градуирует время текста,
организует пространство:
даёт ему направление.

•
«О, поднимите мне веки,
будите спящую душу»:
стонет молчание-в-нас.
Измельчены и очищены,
выварены волей автора –
сорняки, колоски, недоделки,
отходы мысли и знания –
встают компостом Поэзии,
питательным кормом Любви.

•
Люди, как и термиты,
создали касты профессий:
полезные сдвиги личности.
У нас, у воинов Знания,
абстракция суть оружие,
троп и лопата мысли.
В Литературе же это ново:
пугает, царапает, злит.
Но языку, включая Поэзию,
придётся освоить нашествие
наших связок и терминов.

•
Толстой не любил метафор
и прятал их в содержание.
Но прав Аристотель:
в них сущность мышления.
Метафоры отцепляют от
рыхлой ненужной точности
лжеобъективной реальности.
Это прыжки, которыми разум
умеет летать – далеко и быстро.
Подлинный поиск ума
идёт не по корочке речи
над подсознанием,
а по поверхности магмы.
В будущем речь превратится
в ровный поток метафор.

•
Пётр отменил много букв,
но потом вернул-таки
ферт «ф», «з» и «и».
Непроста и судьба «ё»:
её только 24–12–1942
формально присоединили.
А вот у «ерь», «ерь», «еры».
не было открытых врагов.

•
Шеренги букв, слова-многоножки
бегут по бумаге, роняя смысл:
Ааааба – род жуков,
Ииййоки – река в Карелии,
Иийанна – тамильская буква,
Йаййа – буква панджаби,
СССС – сербский крест.
Люблю надежду/угрозу/вскипание
почти независимых элементов,
рычащих в нежёсткой связке.

•
Когда первый поэт, в глубине веков,
прохрипел первую фразу,
это было «убирайся, чужак»,
подкреплённое жестом и позой.
Первой поэмой были ругательства –
носители первых сюжета и стиля.

•
Созерцание грозного –
огня, водопада, пропасти –
было уже Поэзией,
до рождения смыслов и Бога.
Наука не исключает священное,
а нежно остепеняет его, от
суеверия в романтику точности:
обновить вереницы значений,
повысить ставки в игре выживания.

•
Поэзия прячется в фактах,
под камнями слов, за узлами идей.
Спускаю пружину – взрывается Знак –
раскованным джинном, безудержной радугой
встаёт, озверевший в молчании, Смысл.
Пример: за царь-запахом АМБРА –
«землистым, морским и животным» –
разрыв кашалота от массы из клювов
растерзанных в схватке гигантских кальмаров.

•
Не только бизнес ощущений –
Поэзия перемещает смыслы,
одушевляет знаки, роет корни.
Экспансия значимого
в где мы не много значим.
Плыть в океан Бессловия:
искать структуру, берег, смысл
в тумане, вязи звуков, ветре;
брать пленных, странных:
формы, мысли, факты.

о себе

Я свил своё пугливое гнездо
на стыках литосферных плит, ревнивых
орденов: шестидесятников Москвы,
парижских intellos, edoko Токио,
еврейства, математики и секса.
И каждое из них дает перетерпеть,
но только обменяв на душу, верность.
Я каждым защищался от могущества других,
но должен я и верен каждой этой глыбе.
Из этих элементов – все мои коктейли,
однако прав, прав только ветер, тоху-боху.

•

Души куются уже не семьями, а
судьбоносными встречами/книгами,
кометами Мастеров Сознания,
чеканкой их отпечатков, как кратеры
на планетах и шрамы на кашалотах.
Мои отцы-основатели, имена-заклинания:
Волошин, Эредиа, Уитмен, Рильке,
Сервантес, Свифт, Кафка, Оруэлл,
По, Уэллс, Шекли, Дик, Лем;
Хайям, Руми, Сведенборг, Лурья,
Шолем, Жаботинский, Спиноза;
Паскаль, Ницше, Фрейд, Винникот,
Кеплер, Лейбниц, Вороной, Эрдёш;
Лоренцо Медичи, Леонардо да Винчи,
Диего Деза, Колумб, Уоллес.
Брызги с этих комет смешались во мне
коктейлем в неповторимой пропорции.
Лишь в этом – моя единственность.

•

Когда я смог «писать», оборвал почти сразу:
мешало остаться, по-честному, зверем,
сохранить гражданство и койку
в ледяном вихре явлений, до их
переделки-продажи Пишущим.
Убежал с Наукой-красавицей
из-под венца с законной Поэзией.
Заворожила неисправляемость
рисунка реальной жизни. Как у
Лучо Фонтана: взрезом холста бритвой.

•

Задолго до как покинуть Москву
я выехал в Науку-как-страну.
Никогда потом не жалел об этом –
«Отечество нам Царское Село».

•

От жидоедов Москвы
я скрылся в храме Науки
и там остался, спасибо
тому же, от intellos Парижа.
Скульптура из страха, дитя
их смеси суда и ненависти,
превратил их мегаэнергию –
надежду испепелить –
в сладчайшую волю жить,
в свежесть каждой минуты.
Но таю – скульптура из льда –
при вспышках жара от них.

•

Наука, как танец дервишей,
как сладость регрессии:
услышать шепот абстракций
и жить с ними вместе, в таборе.
Я вижу лица понятий,
их страсти и отношения.
Общаться с ними и есть Наука.
И мир стал уютней:
ками за каждым камнем,
подругой в каждом порту.
Первобытное суеверие
очистило накипь в душе
от вялотекущей мерзости
обычной и взрослой жизни.

•

Ширина, яркость, пластичность сознания
мельчают и иссыхают с возрастом.
Взрослые быстро тупеют душой,
скучно-двоичны: дичь или хищник.
Я успел отшатнуться от пропасти зрелости,
отлетел птицей-подростком:
неуверенность и любопытство.

•
В мои 20–25 лет, когда
полагалось взрослеть,
то есть отрезать язык подсознанию,
мы нашли компромисс.
Сознание стало слугой, агентом
подсознания в внешнем мире.
Подсознание нам бережёт здоровье,
мир и сладость, а в целом –
«всё позволено» на свободе.

•
Я был рождён нормопатом,
но вырастил сад безумия:
страх превратил в эмпатию – Ян,
математику – в малый аутизм – Инь.
И продал себя, как Аляску,
на своё навсегда этим двум.

•
Строгим рисунком по мягкому
скользит мой контакт с миром.
Кисло-сладким ручьём ущелья
между Страхом и Восхищением.
Боль восприятия в сладость измерить,
на сушу Поэзии с моря Науки.

•
От Кембрийского взрыва жизни
идёт моя родословная
через Пермское вымирание,
Астероид и Интернет.
Я выполнил долг размножения:
четвертинки – 13 внуков
унесут семена генома
в непостижимость Будущего.

•
Да, я – клочок имперского раскроя,
и, прямо из Москвы шестидесятых,
привёз уверенность её научной шляхты.
Мир обогнал меня совсем недавно,
да так, что непонятно, в чём и как.

•
Предки мои – в веренице зеркал –
Штетл в Могилёвской губернии:
Кру́ги и Рясна – восточнее некуда.
Гаон-вундеркинд за девятым мейозом,
за 1000: пленная Неандерталка.
Быстрее и глубже, в потоке костей,
в бегущем назад оживлении праха:
Эукариот 1.0 – мой подлинный Предок,
начало, предтеча и образец.

•
 Неандертальцы любили хомок.
 Спасибо, мой предок, за всё:
 иммунитет, белокость
 и шизоигривость ума.
 Я тоже делал гибридов:
 как мог, расширял геном.
 А в общем, служил Биосфере
 участием в био- и геопроцессах.
 Разносчик микробов и мыслей,
 я честно работал живым.

•
 Покой и счастье закодировать пейзажем,
 любимым образом, ближайшим человеку.
 Я выбирал всю жизнь. И вот он:
 лес, мох (отец и мать?),
 минуты до ухода солнца.

с о д е р ж а н и е

о познании	4
о математике, времени, числах	16
о живом и эволюции	24
о причинности	38
о Боге и морали	48
дороги Хомо	60
Cosmopolis	78
человек, другие	92
о пределах, тревоге, смерти	102
о поэзии	112
о себе	122

примечания

СТИХИ

- 1) Сборник стихов «59–62» Париж: Синтаксис, 1983
(часть была на стр. 79–86 в журнале «Эхо», 3, 1978, Париж)
- 2) Сборник «СТИХИ И ИНТЕРВЬЮ» Москва: Пробел, 2014
- 3) Поэма «1973–1976» в журнале «Новая юность» 2013 № 6 (117)
- 4) Поэма «Cosmopolisy» в журнале «Мосты» 2013 № 44 стр. 24–28
- 5) Поэмы «Путями Времени», «Brevitas», «Причины тают», «Чёрные лебеди» в журнале «Семь искусств» 2014 № 2–3 (50), 2014 № 5 (52), 2015 № 6 (63), 2016 № 1 (70)
- 6) Поэмы «Аттрактор Прошлого», в журнале «Prosodia», 2016 № 5

РУССКАЯ ЧАСТЬ ВЕБ СТРАНИЦЫ ДЕЗА

<http://www.liga.ens.fr/~deza/InRussian/mytexts+infoinRussian.html>

КНИГИ ПО МАТЕМАТИКЕ, ПЕРЕВЕДЁННЫЕ В РОССИИ

- 1) Deza, M., Laurent, M. (1997), «Geometry of Cuts and Metrics», vol. 15, Algorithms and Combinatorics, Springer, ISBN 3-540-61611-X.

Русский перевод: Деза М. и Лоран М. Геометрия разрезов и метрик, Москва, МЦНМО, 2001.
ISBN 5-900916-84-7

- 2) Deza, M., Grishukhin, V., Shtogrin, M. (2004), «Scale-isometric Polytopal Graphs in Hypercubes and Cubic Lattices», Imperial College Press, ISBN 1-86094-421-3.

Русский перевод: Деза М., Гришухин В. и Штогрин М. Изометрические полиэдральные подграфы в гиперкубах и кубических решетках. Москва, МЦНМО, 2008.
ISBN 978-5-94057-363-0

- 3) Deza, E., Deza, M. (2006), «Dictionary of Distances», Elsevier, ISBN 044452087-2.

Русский перевод: Деза Е. и Деза М. Энциклопедический словарь расстояний, Москва, Наука, 2008.
ISBN 978-5-02-036043-3

- 4) Deza, M., Dutour Sikirić, M. (2008), «Geometry of Chemical Graphs: polycycles and two-faced maps», vol. 119, Encyclopedia of Mathematics and its Applications, Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-87307-9.

Русский перевод: Деза М. и Дютур Сикирич М. Геометрия химических графов: полициклы и биполициклы. Москва и Ижевск, Ижевский институт компьютерных исследований, 2012.
ISBN 978-5-4344-0130-2.

5) Deza, E., Deza, M. (2011), «Figurate Numbers», World Scientific.
ISBN 978-981-4355-48-3

Русский перевод: Деза Е. и Деза М. Фигурные числа. Москва, МЦНМО, 2014.
ISBN 978-5-4439-0196-1

6) Deza, M., Dutour Sikirić, M., Shtogrin, M. (2015), «Geometric Structure of Chemistry-relevant Graphs», Springer.
ISBN 978-81-322-2448-8.

Русский перевод: Деза М., Дютур Сикирич М. и Штогрин М. Геометрическая структура относящихся к химии графов. Москва и Ижевск, Ижевский институт компьютерных исследований, 2016.

мишель мари деза

75 – 77

подписано в печать 10.07.2016
формат 70х90/₃₂· объем 4,9 усл. печ.л.
тираж 300 экз.

ISBN 978-5-98604-555-9

отпечатано в типографии издательства «пробел-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru